

¹⁸ См., например: Тарасов, А.А. Еще раз об истине в уголовном судопроизводстве / А.А. Тарасов // Новый уголовно-процессуальный кодекс в действии: материалы круглого стола. — М.: Проспект, 2004. — С. 71-78; Уголовно-процессуальное право РФ: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. — М.: Юрист, 2004. — С. 218-222.

¹⁹ Овсянников, И.В. Указ. соч.

²⁰ Там же.

²¹ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. — М.: Юрид. лит., 1973. — С. 576-598.

*Н.А. Развейкина**

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДЕЙСТВИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА ВО ВРЕМЕНИ

Актуальность рассмотрения проблем реализации уголовно-процессуального закона во времени на первый взгляд может показаться неочевидной. Однако практика применения положений УПК РФ выявила некоторые противоречия, что обуславливает необходимость их теоретического осмысления.

Вопросы действия закона во времени на протяжении последних десятилетий традиционно были объектом внимания науки уголовного права. При этом пределы действия уголовно-процессуального закона зачастую оставались вне поля зрения ученых¹. Казалось бы, данные проблемы лишены той сложности, которая присуща им, когда речь идет о нормах материального уголовного права. Однако принятие Конституции РФ и многочисленные изменения уголовного и уголовно-процессуального законодательства породили вопросы, на которые теория и практика не дала быстрых и однозначных ответов.

Проблема пределов действия уголовно-процессуального закона имеет несколько аспектов. Безусловно, на всех спорных моментах остановиться в рамках данной статьи не представляется возможным, поэтому обратим внимание лишь на некоторые.

* © Развейкина Н.А., 2009

Развейкина Надежда Андреевна — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского государственного университета

1. Недостаточность законодательной регламентации действия уголовно-процессуального закона во времени. Статья 4 УПК РФ требует применять уголовно-процессуальный закон, действующий во время производства соответствующего процессуального действия или принятия процессуального решения, если иное не установлено УПК РФ. В связи с этим возникали и могут возникнуть такие ситуации, когда по одному и тому же уголовному делу будут применяться разные нормы, если в процессе производства по делу уголовно-процессуальный закон будет изменен. Например, в первом полугодии 2002 г. судопроизводство велось в соответствии с нормами УПК РСФСР 1960 г., а после июля 2002 г. было продолжено в соответствии с нормами УПК Российской Федерации 2001 г.

Момент перехода от применения УПК РСФСР к УПК РФ, происшедший в ночь с 30 июня на 1 июля 2002 г., представляет особый интерес. Согласно ст. 1 УПК РСФСР и ст. 4 УПК РФ при производстве по уголовному делу должен применяться уголовно-процессуальный закон, действующий в момент совершения соответствующего процессуального действия. Однако данное правило регламентирует лишь наиболее простые случаи и не дает ответа на вопрос, как поступать органам уголовного судопроизводства, если, например, процессуальное действие начато во время действия одного уголовно-процессуального закона, а закончено после вступления в силу другого? Каким законом руководствоваться: прежним или новым, как правильно оформить протокол?

Практика не сразу подошла к решению этих вопросов со знанием закона. К примеру, 28 июня 2002 г. обвиняемые К. и М. заявили ходатайство о рассмотрении дела судом присяжных, однако судья, учитывая возражения других обвиняемых и невозможность выделения уголовного дела в отдельное производство, назначил на 10 июля рассмотрение суда в составе судьи и двух народных заседателей, в то время как с 1 июля 2002 г. действовали ст. 217, 325 УПК РФ и дело надлежало рассматривать судом присяжных².

Выходит, что общее правило, установленное в ст. 4 УПК РФ, согласно которому все действия и решения, принятые до вступления в силу УПК РФ, сохраняют свою силу, а дальнейшее производство ведется в соответствии с УПК РФ, не столь однозначно. Ведь решение судьи соответствовало требованиям УПК РСФСР на момент принятия, однако кассационная и надзорные инстанции посчитали принятое решение неправомерным.

Вместе с тем процессуалисты настаивали, что в каждом случае действует принцип: любое процессуальное действие совершается на основании того процессуального закона, который действует в настоящий момент³, то есть пределы действия уголовно-процессуального закона во времени не зависят ни от момента совершения преступления, ни от момента возбуждения уголовного дела.

Что касается оформления процессуальных действий, то были высказаны (хотя и не сразу) предложения о том, что при производстве следственных (осмотр, обыск, допрос, следственный эксперимент и других) или иных процессуальных действий (ознакомление обвиняемого с материалами уголовного дела), начатых 30 июня 2002 г. и оформляемых в соответствии с нормами УПК РСФСР, а законченных 1 июля 2002 г. либо позднее, необходимо руководствоваться последовательно двумя уголовно-процессуальными законами. В протоколе предлагалось указывать, что данное следственное или иное процессуальное действие начато по УПК РСФСР, а завершено по УПК РФ. При этом форма протокола, по мнению некоторых авторов, должна ставиться в зависимость от момента его составления: в случае составления протокола в ходе проведения процессуального действия его необходимо оформлять по правилам, установленным УПК РСФСР, а в случае его составления по окончании действия — согласно УПК РФ⁴. В противном случае речь пойдет о «переживании» старого уголовно-процессуального закона либо обратной силой нового, что одинаково недопустимо с точки зрения теории уголовного процесса.

Вероятно, в высказанном предложении нет никакого новшества, поскольку ч. 2 ст. 1 УПК РСФСР предусматривала, что при производстве по уголовному делу применяется уголовно-процессуальный закон, действующий соответственно во время дознания, предварительного следствия либо рассмотрения дела судом. Следовательно, законодатель допускал, что на разных этапах уголовного судопроизводства возможно применение различных уголовно-процессуальных законов.

2. Особенностью процессуального законодательства является то, что оно действует лишь в связи с применением уголовного закона. Однако признано, что уголовно-процессуальный закон, в отличие от уголовного закона, обратной силы не имеет. Вместе с тем отсутствие в уголовно-процессуальном законе прямого указания об обратной силе (или ее отсутствии) порождает споры.

Ранее УПК РСФСР также не содержал никаких указаний о возможности или невозможности придания нормам уголовно-процессу-

ального закона обратной силы, но формулировка ст. 4 УПК РФ, казалось бы, допускает обратную силу в случаях, предусмотренных Кодексом⁵. Однако анализ УПК РФ подтверждает отсутствие исключений из общего правила и приводит к выводу, что уголовно-процессуальный закон не имеет обратной силы.

В то время как международные правовые акты и международные договоры России, содержащие уголовно-процессуальные нормы, вводятся в действие после их ратификации Федеральным Собранием Российской Федерации. При этом не исключается, что действие международного договора будет распространяться и на правоотношения, возникающие до вступления в силу международного договора⁶.

Тем не менее, противоречивая формулировка ст. 4 УПК РФ порождает многообразие взглядов ученых и практиков на возможность применения (по аналогии со ст. 54 Конституции РФ⁷) норм уголовно-процессуального закона к отношениям, возникшим до его вступления в силу, а зачастую — и неоднозначность в принятии решений органами уголовного судопроизводства.

Так, высказывается мнение, что общее правило об отсутствии обратной силы уголовно-процессуального закона не относится к тем нормам, которые определяют процессуальный механизм реализации уголовно-правовых институтов, устанавливающих ответственность за преступления и освобождение от ответственности и наказания, и которые являются производными от соответствующих уголовно-правовых институтов. На них в силу ст. 54 Конституции распространяются правила об обратной силе закона, устраняющего или смягчающего ответственность, и о недопущении применения закона, устанавливающего или усиливающего ответственность⁸. Положениями ст. 54 Конституции, а не ст. 4 УПК определяется и порядок применения уголовно-процессуальных норм, устанавливающих или усиливающих ответственность за процессуальные нарушения (например, нормы ч. 4 ст. 103 УПК РФ о последствиях совершения обвиняемым или подозреваемым действий, для предупреждения которых была применена мера пресечения в виде личного поручительства)⁹.

В продолжение принципа, закрепленного в ст. 54 Конституции РФ, особо отмечается, что в случае если вновь принятый закон вносит изменения в уже возникшие процессуальные правоотношения и при этом отменяет или умаляет принадлежащие участникам процесса права или ограничивает возможность их использования, должен применяться не новый, а прежний закон, на основе которого и возникли эти правоотношения¹⁰.

В литературе встречаются парадоксально противоположные точки зрения одного и того же автора, что вызывает недоумение даже у студентов при изучении курса «Уголовный процесс». Так, в учебнике П.А. Лупинской 2001 года издания говорится: «Уголовно-процессуальный закон, отменяющий или ограничивающий прямо или косвенно права участников процесса, обратной силы не имеет. Он не распространяется на производство, начатое до его издания»¹¹. В ее же учебнике 2004 года содержится прямо противоположная мысль.

Подобные рассуждения имеют свои истоки. Еще в Элементарном учебнике русского уголовного процесса под авторством С.В. Познышева отмечалось, что права, уже приобретенные подсудимым на основании прежних, отмененных впоследствии норм, вполне сохраняют свое значение. Поэтому, например, сроки на обжалование решения суда не могут сократиться, если позднее вышел закон, установивший меньшие сроки. Однако важно, чтобы данное право было приобретено в период действия «прежнего» закона, до его отмены. При этом сам автор поясняет, что такое решение вопроса основывается на соображениях, сделанных в науке уголовного права¹².

Подобная мысль содержится и в комментариях к действующему УПК РФ, где отмечается особая актуальность вопроса об обратной силе уголовно-процессуального закона в условиях, когда один уголовно-процессуальный кодекс заменяется другим. Если, например, жалоба по поводу незаконного ареста была подана в суд и принята к производству до 1 июля 2002 г., то она должна быть рассмотрена по правилам ст. 220¹ и 220² УПК РСФСР, хотя УПК РФ такое обжалование не предусматривает. Или если прокурор не участвовал в судебном разбирательстве, а после 1 июля 2002 г. в соответствии с новым УПК его участие обязательно, то применяется старый закон, т. е. разбирательство дела ведется в отсутствие прокурора. Такое решение диктуется тем соображением, что дело уже или почти рассмотрено и нет необходимости начинать его сначала с участием прокурора. В других же случаях, когда какие-то процессуальные действия носят длительный характер и их начало регламентировано прежним УПК, а продолжение и окончание — новым, применяется УПК РФ. Меры процессуального принуждения действуют в пределах срока, на который они были избраны, но после 1 июля 2002 г. их дальнейшее продление должно производиться в судебном порядке, т. е. в данном случае применяется новый закон, улучшающий положение обвиняемого (суд — более надежный гарант права обвиняемого на защиту, чем прокурор)¹³.

Ярые противники подобного подхода резко критикуют наметившуюся в последние годы в нашей стране тенденцию ратовать за улучшение процессуального положения обвиняемого. Они считают, что такой подход приводит к полному игнорированию ст. 52 Конституции РФ, гарантирующей охрану законом прав потерпевших от преступления, ведет к перекоосу в правах сторон, а следовательно, к нарушению принципа равенства перед законом и судом (ст. 19 Конституции РФ). Поэтому в сфере уголовного судопроизводства, как им представляется, неприменимо действующее в уголовном праве положение, в соответствии с которым закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу (ч. 1 ст. 10 УК РФ).

Авторы, придерживающиеся буквального толкования закона, отрицают возможность придания уголовно-процессуальному закону обратной силы. При этом не важно, расширяются или сужаются права того или иного участника уголовного процесса путем издания нового закона, поскольку нормы УПК не являются материальными. Они устанавливают правила процедуры в том виде, в котором соответствующие нормы действуют в момент их применения¹⁴.

Все же ученых, категорически отвергающих способность уголовно-процессуального закона регулировать общественные отношения, существовавшие до его издания, оказывается большинство. Они настаивают на том, что российскому уголовно-процессуальному закону свойственно только немедленное действие во времени, что подтверждается отсутствием в тексте УПК РФ каких бы то ни было исключений из общего правила, установленного ст. 4 УПК РФ.

Во избежание подобных научных расхождений предлагается закрепить в ст. 4 УПК РФ положение о том, что уголовно-процессуальный закон не имеет обратной силы. Оговорка законодателя «если иное не установлено настоящим Кодексом» должна быть исключена из текста ст. 4 УПК РФ¹⁵.

3. С обратной силой уголовно-процессуального закона тесно связана проблема допустимости доказательств, полученных в момент действия предыдущего закона, не нашедшая пока разрешения в тексте УПК РФ.

Как уже было отмечено, регламентация, предложенная в ст. 4 УПК РФ (а ранее в ст. 1 УПК РСФСР), представляется недостаточной. Особенно наглядно это проявляется относительно показаний обвиняемого, полученных следователем в отсутствие защитника по УПК РСФСР 1960 г. по делам, рассматриваемым судом по УПК РФ. По

смыслу закона, в случае, если обвиняемый не подтверждает ранее данные показания в суде, доказательство должно признаваться недопустимым в соответствии со ст. 75 УПК.

С одной стороны, как отмечает З.А. Николаева, прямое действие уголовно-процессуального закона, устраняющего либо ограничивающего те или иные права подозреваемого, обвиняемого, вступает в коллизию с нормами, обеспечивающими всестороннюю защиту их прав в уголовном процессе. «В соответствии с общепринятыми нормами международного права данная коллизия должна разрешаться в пользу норм, обеспечивающих право на защиту в уголовном процессе всех прав его участников. Отсутствие подобной коллизийной нормы в действующем уголовно-процессуальном законодательстве следует отнести к его недостаткам»¹⁶. Следовательно, состоявшиеся ранее судебные решения в установленном законом порядке должны быть пересмотрены с учетом действующих правил о допустимости доказательств.

С другой стороны, справедливо отмечается, что если процессуальное действие выполнено в строгом соответствии с требованиями уголовно-процессуального кодекса на момент проведения данного действия, его результаты будут иметь доказательственную силу независимо от того, каким образом изменятся в последующем указанные требования¹⁷. В связи с этим в науке высказывается предложение о необходимости дополнить ст. 4 УПК РФ положением, аналогичным ч. 3 ст. 5 УПК Республики Казахстан, о том, что допустимость доказательств определяется в соответствии с законом, действовавшим в момент их получения.

Итак, возникшие пробелы и противоречия в уголовно-процессуальном законе, неоднозначность решения вопросов его действия во времени не способствуют единообразию в деятельности органов уголовного судопроизводства, в то время как целью уголовно-процессуального законодательства должно являться достижение последовательности и преемственности в законотворчестве, обеспечение строгой системности и непротиворечивости законодательства.

Примечания

¹ До сих пор единственной монографией, посвященной некоторым вопросам данной темы, остается работа Б.А. Галкина, опубликованная в 1962 году. Последняя диссертационная работа на соискание ученой степени кандидата наук по данной тематике датирована 2003 годом. См.: Галкин, Б.А. Советский уголовно-процессуальный закон / Б.А. Галкин. — М., 1962; Гу-

лялова, М.К. Действие уголовно-процессуального закона во времени, пространстве и по кругу лиц: дис. ... канд. юрид. наук. / М.К. Гулялова. — Екатеринбург, 2003.

² В соответствии со ст. 4 УПК РФ при производстве по уголовному делу применяется уголовно-процессуальный закон, действующий во время производства соответствующего процессуального действия или принятия процессуального решения. См.: БВС. — 2003. — № 12. — С. 13.

³ Уголовный процесс России / под ред. д-ра юрид. наук, проф. З.Ф. Ковриги, д-ра юрид. наук, проф. Н.П. Кузнецова. — Воронеж, 2002 // <http://www.kursach.com/biblio/0070001/02.htm> (11.11.08).

⁴ См.: Комментарий к ст. 4 // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Л.Н. Башкатов, Б.Е. Безлепкин и др.; отв. ред. И. Л. Петрухин. — 6-е изд., перераб. и доп. — М.: ТК «Велби», Изд-во «Проспект», 2008.

⁵ Напомню, формулировка ст. 4 УПК РФ звучит так: «При производстве по уголовному делу применяется уголовно-процессуальный закон, действующий во время производства соответствующего процессуального действия или принятия процессуального решения, если иное не установлено настоящим Кодексом», то есть в УПК РФ могут быть установлены иные правила действия во времени соответствующих уголовно-процессуальных норм, и общее правило о том, что подлежит применению уголовно-процессуальный закон, действующий на момент проведения соответствующего процессуального действия, в виде исключения может быть ограничено Уголовно-процессуальным кодексом.

⁶ Например, ст. 85 Минской Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам: Режим доступа: <http://www.fw.ru/Law/Texts/intern32.htm>.

⁷ Так, в соответствии с ч. 1 ст. 54 Конституции Российской Федерации не имеет обратной силы закон (в том числе уголовно-процессуальный — *Н.Р.*), устанавливающий или отягчающий ответственность (в том числе уголовно-процессуальную. — *Н.Р.*). В соответствии с ч. 2 ст. 54 Конституции РФ никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением. Если после совершения правонарушения ответственность за него устранена или смягчена, применяется новый закон.

⁸ См.: Комментарий к ст. 4 // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Л. Н. Башкатов, Б.Е. Безлепкин и др.; отв. ред. И. Л. Петрухин. — 6-е изд., перераб. и доп. — М.: ТК «Велби», Изд-во «Проспект», 2008.

⁹ Гулялова М.К. Действие уголовно-процессуального закона во времени, пространстве и по кругу лиц: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М.К. Гулялова. — Екатеринбург, 2003. Режим доступа: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1221943>.

¹⁰ Конспект лекций по дисциплине «Уголовный процесс». Режим доступа: <http://uprocess.narod.ru/Page-2.html>.

¹¹ Уголовно-процессуальное право РФ: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Юристъ, 2001. — С. 47.

¹² Познышев, С.В. Элементарный учебник русского уголовного процесса // С.В. Познышев. — М., 1913 // Allpravo.Ru: электронный журнал. — 2004. Режим доступа: <http://www.allpravo.ru/library/doc1897p0/instrum3553/item3558.html>.

¹³ См.: Комментарий к ст. 4 // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Л.Н. Башкатов, Б.Е. Безлепкин и др.; отв. ред. И. Л. Петрухин. — 6-е изд., перераб. и доп.- М.: ТК «Велби», Изд-во «Проспект», 2008.

¹⁴ Уголовный процесс: учебник для вузов / под общ. ред. В.И. Радченко. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юридический дом «Юстицинформ», 2006. — С. 43.

¹⁵ Гулялова, М.К. Указ. соч.

¹⁶ Николаева, З.А. Защита прав обвиняемого и действие уголовно-процессуального закона во времени / З.А. Николаева // Охрана прав и интересов обвиняемого в свете правовой реформы. — Кемерово, 1993. — С. 37.

¹⁷ Пикалов, И.А. Уголовный процесс Российской Федерации (краткий курс): учебное пособие // Allpravo.Ru6 электронный журнал. — 2005. Режим доступа: <http://www.allpravo.ru/library/doc1897p0/instrum4772/item4781.html>.

*В.В. Иванов**

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА ПОТЕРПЕВШЕГО НА ДОСТУП К ПРАВОСУДИЮ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Конституция РФ в ст. 52 гарантирует доступ к правосудию потерпевшим от преступлений и злоупотреблений властью. Это право не является только уголовно-процессуальным, т.к. права потерпевших в ряде случаев могут быть обеспечены и средствами гражданского процесса, следовательно, доступ к правосудию — это доступ к любой форме судопроизводства. Вместе с тем именно в результате соверше-

* © Иванов В.В., 2009

Иванов Вячеслав Васильевич — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского государственного университета